

ПИДЖАК

Наталья Николаевна Калининкова родилась в г. Жигулёвске Самарской области. По первому образованию – филолог (ТГУ). Писательница, литературный редактор, преподаватель творческого письма. Выпускница первого набора магистратуры «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ (академический руководитель – М.А. Кучерская, дипломный руководитель – М.Л. Степнова). Преподаёт на факультете коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ, в литературных мастерских CWS. Операционный редактор Skillbox. Публиковалась в журналах «Незнание», «Дистопия», «Формаслов», «Юность», «Урал». Соавтор нон-фикшн сборников «Мама, у меня будет книга» («Бомбора», 2021), «Хранители времени» (Ridero, 2019), «Молодой Горький» («Пятый Рим», 2020).

Три синие сумки икеевские – весь бабушкин гардероб. Сама бы так никогда не сложила: блузы в один ком с чулками, сапоги поверх пальто. Но мама уже звала такси – пора ускоряться.

– Просила же заранее всё собрать! – эхо вечернего подъезда разносит раздражённый мамин голос до первого этажа. Света торопится, царапает до крови палец о дверной замок.

Такая привилегия, можно подумать; ну закроют из-за них этот секунд на полчаса позже. Какая разница, туда тащить или в церковь отдать!

– В церкви такое никому не нужно, – объясняла мама вчера за ужином (ролл «Филадельфия», акционный салат чука). – Ещё скажут, свалку устроили.

– Туда же бабушки ходят, – заспорила Света. – Такие же точно...

Она имела в виду рост и возраст, привычку к вязаным

вещам. Но мама вдруг разнервничалась, швырнула ролл в тарелку, закричала, как можно сравнивать, и прочее. Света не заспорила, попыталась подстроиться — она всегда пыталась. Да и как спорить со скорбью, когда та выходит из человека криком? Мама успокаивалась лишь после того, как с ней соглашались. Будь у Светы силы на сопротивление, она бы сделала по-своему: сохранила бы всё, открыла бы в бабушкиной комнате музей её имени. Но мамина подруга владеет благотворительным секондом. Там «точно пристроят» кому надо или сдадут на переработку.

Света не хотела, чтобы этот жилет перешивали на половую тряпку.

Света не хотела, чтобы эту юбку продавали со скидкой.

Но Света послушно потрошила бабушкин шкаф за три минуты до прибытия такси. Шкаф внутри пахнул зелёным мылом «Дуру», старыми кожаными сумками, выцветшими новогодними открытками. Открытки можно оставить.

Света и мама привезли икевские сумки в секонд — тесное полуподвальное помещение, притулившееся с торца жилого дома. Пятница, пусто. Знакомой хозяйки тоже на месте не оказалось. Продавщица только кивнула: «Сюда ставьте» — и уткнулась обратно в свой планшет. Женщины хотели уточнить, может, она хоть посмотрит, что

там. Им не ответили. Света внутри вся сжалась, приготовилась к громкой сцене... Мама же просто хмыкнула и вышла, с заметным облегчением, на ходу вставляя ментоловый стик в нагреватель. Света ненадолго осталась, сделала вид, что интересуется ассортиментом. Продавщица продолжала игнорировать — это получалась у неё лучше всего. Света нырнула рукой в крайнюю синюю сумку, оставляемую навсегда, ухватила за воротник бабушкин пиджак, спрятала в рюкзак.

Дома в опустевший шкаф утрамбовали остаточные вещи — всего пару коробок. Бабушка никогда не занималась накопительством, а в последний год, когда слегла, пришлось заменить многие бытовые предметы медицинскими.

Мама сказала, что чувствует прилив сил. У Светы никакого облегчения на душе не было, но она промолчала. Мама приняла душ и легла на диван — смотреть всё равно какие передачи. А Света, закрывшись в своей комнате, примерила пиджак. Плотный твид в выцветшую клетку, маловат в плечах — но манжеты впору, смотрится изящно. Света высматривала в своём повзрослевшем отражении бабушкины черты. Волосы рыжеватые, не кудрявые, но и не прямые; глаза болотного оттенка; нос, шея, грудь — всё в веснушках... Нет, на бабушку вообще не похоже.

Следующий день был выходным. Света не поехала в универ, мама не пошла на работу. Обе остались в одном пространстве с третьей, начисто вымытой пустой комнатой. Надо было чем-то себя занять, чтобы не ходить, не заглядывать туда каждые полчаса.

Света села за кухонный стол и начала перебирать пшено. Потом мама сварила из чищеного пшена кашу. Добавила сахар и сливки. Достала десертные тарелки с греческим орнаментом.

Но когда стали завтракать, сразу поняли: не то. Конечно, бабушка ведь кастрюлю сразу с плиты ставила в кресло, в пуховые подушки. Каша там прела, напиткивалась маслом, без сахара становилась сладкой. Подушки те выкинули ещё раньше, чем верхнюю одежду.

Света сказала, что доест потом. Вечером мама убрала остатки и за ней, и за собой. Бабушка бы поругалась — грех еду выбрасывать. Нет, бабушка, грех — это ждать, что всё будет, как раньше.

На следующий день пришла Светина очередь готовить. Мама предложила напечь пирожков с капустой. Света посмотрела на родительницу, на её строгое, темноглазое лицо, ставшее будто совсем незнакомым. И вдруг замахала руками, и напрочь отказалась, никакими словами не подкрепив своё нежелание. Мама снова лишь хмыкнула — и заказала доставку.

Бабушка не учила Свету-подростка готовить. У неё к тому времени не осталось уже ни физических, ни педагогических сил, чтобы передавать опыт. Она всё делала сама — задачей внучки было слушаться и ходить за продуктами. Света сама хозяйствовала редко, только на уроках технологии. Всё, что они с одноклассницами месили, лепили, запекали, обычно сразу же съедалось мальчиками. Но однажды — кажется, в марте — трудовой школьной еды оказалось так много, что Света забрала несколько пирожков домой. Они были подгоревшие, мятые, разного размера. Ни одного жениха, как сказала бы трудовичка, такими не заманишь. Но бабушка заметила. Подошла, попробовала и сказала: «Ну всё, теперь я больше не нужна». Свете от этого стало так нерадостно, что она готова была сразу же выбросить всю свою недовыпечку в ведро. Но — грех.

Может, бабушка просто пошутила тогда? Непонятно. Никогда с ней не угадаешь, обиделась или делает строгий вид с воспитательной целью. Однако вот — сказала, подождала месяц-другой, потом заболела и слегла.

Вскоре Света с мамой готовить совсем перестали. Дома Света ужинала сухомяткой у себя в комнате, мама заказывала доставку и сидела на кухне в компании какого-то ведущего из вечерних телепередач. Пластик

от заказной еды копился на подоконниках, под раковиной, за холодильником. Стыдиться пластиковых залежей было не перед кем. В гости никто из родственников больше не приезжал.

Но выдавать свои переживания считалось зазорным, даже промеж собой. Горевать дома не полагалось. Всё ведь было сказано, всё понятно. Света иногда горевала на ходу, пока ехала в жёлтой маршрутке из универса, пока шла по тополиной аллее от остановки к подъезду, пешком поднималась на третий этаж. Лишь однажды Света попробовала высказать горевание школьной приятельнице, которая теперь училась на психолога. Специально для этого зазвала её в кафе, оплатила облепиховый чай с круассаном. Но ответ ей не понравился.

— В вашей семье, — сказала подруга, чиркая ногтем по салфетке, — перепутались роли. Вот смотри: бабушка у вас, когда заболела, стала типа ребёнок, а вы с мамой — как бы родители. Мама — папа, потому что деньги зарабатывала, а ты, выходит, мама своей бабушки, потому что за ней ухаживала. Потеря ребёнка всегда тяжелее, чем взрослому, а вам вдвойне тяжелей.

В этом суждении было что-то дельное, но и только. Во-первых, Света вообще не помнила таких семей, где были бы папы. Ни у кого из её ровесниц, включая саму психологиню, папы

не было. Те, что упоминались иногда в семейных преданиях, работали на крайне опасных северных, военных, космических работах. И очень рано умирали — буквально сразу после рождения детей, словно эти младенцы-богатыри выкачивали жизненные силы из своих безымянных отцов. Только бабушки могли управиться с мощью такого события, когда из небытия в мир вдруг вырывался охрипший от крика новый человек. Сама бабушка стать обратно младенцем, даже в переносном смысле, никак не могла — ерунда какая, Свету это не устраивало. Она попрощалась, отошла от кафе шагов на двадцать, отправила психолога в чёрный список — и успокоилась ненадолго.

Но чувство пустоты всё равно копилось, подтачивало — непроговорённое, стыдное. Мама дома теперь только ужинала, даже не завтракала. Ложилась поздно, курила прямо в комнате. Перестала красить губы, перестала быть похожей на свою мать. Однажды Света заглянула за холодильник — а там пустые пивные бутылки. Но она про это ничего не сказала: побоялась сделать ещё хуже. Пиджак, вычищенный и подлатанный, жил теперь в недрах Светинового шкафа. Она выбросила свои школьные анкеты, журналы *Cosmo* и прочую детскую ерунду, чтобы освободить ему место. Сделать бы фотосессию в бабушкином стиле, с

такой же косой вокруг головы, с тем кружевным воротничком... Но стипендии Светиной хватало только на обеды и проезды. Просить у мамы на такое дело — невозможно, а взять больше нигде.

Иногда на своём повседневном маршруте из университета Света встречала пожилых женщин в прежней бабушкиной одежде. Либо в очень похожей, но не удивилась бы, окажись та самая. Благотворительный секонд-хенд в городе был один. А может, Свете мерещилось. Но она ни за что бы не подошла, не спросила напрямую — переживала молча. Приносила домой подгнивший лук, позавчерашний хлеб, просроченный майонез. «Куда смотрела, когда набирала?» — ругалась мама, но уже не до крика. Она тоже встречала таких женщин, хоть и не говорила об этом дочери. Потому что ведь всё было сказано, всё понятно. Эти платья, брюки и кофты стали чужими, смотрелись и пахли теперь по-другому. Кто-то постирал их, подшил, пропитал духами и привычками новой владелицы. Мама вечером выпивала на кухне очередную бутылку и оставляла за шкафом. Света переживала, проигрывая уровень в очередной дурацкой игре на смартфоне.

Это взаимное прятанье продолжалось всю осень, всю зиму. Весной душное домашнее молчание надоело Свете настолько, что в ней нашлось немного сил

на спорт. Девочки с параллельного потока приохотились к скандинавской ходьбе, позвали с собой, а она впервые за два года не отказалась.

Два часа в неделю ходили по стадиону, в несырую погоду выбирались в парк. Правда, парком он был только с краю — ухоженный, городской и зелёный, а через овраг превращался в бурый мусорный перелесок. Там в глубине непроходимых тополиных зарослей сидели на кортах или жарили вонючие шашлыки люди неприятных манер. Света с девочками обычно на их поляны не забирались. Когда ходишь со скандинавскими палками, не надо встречаться глазами с незнакомцами. Вдруг спросят, где взяла такие ноги, или чего побиднее крикнут... Лучше сосредоточиться на том, что играет в наушниках.

Света под села на детективные подкасты. Истории о наказанных потерпевших и оправданных психопатах её утешали. Актёр трепетно проговаривал чью-то выдуманную боль в микрофон — ради такого можно было замедлить шаг, отстать от группы, сойти с тропы. У Светы был запасён «Перцовый шок», но ей ни разу не пришлось им воспользоваться. Мама про это ничего не знала, конечно. Она работала допоздна, а вечерами продолжала пить пиво или креплёное вино, уже не заботясь о том, заметит Света бутылки или нет.

В одну из таких прогулок, в середине апреля, Света и отыскала Зою-без-отчества. Заслушавшись очередным подкастом, забрела в самый заросший парковый угол. Дорожка-броненосец блестела крышками от бутылок. За поломанной скамейкой лежали чьи-то ноги в потёртых спортивных штанах. Из кармана торчал треснувший экраном телефон. Света покривилась: алкаш, что ли, уснул — чего доброго, насовсем, и как теперь быть? У неё не хватило бы душевной силы заявить об этом в полицию. Но рядом с ногами из бурых кустов шиповника торчали две новеньких скандинавских палки... Света теперь испугалась: может, кто-то из своих, из девочек? Может, обморок? Подошла к лежащей, спросила, не нужна ли помощь.

— Тише говори, — ответил шёпотом пожилой женский голос. — Прибегут.

— Кто?

— Маньяки.

— Да нет тут маньяков. У нас с ними вообще... знаете, как строго, — вспомнился Свете позапрошлый выпуск подкаста.

— Это хорошо, — сказала женщина, приподнимаясь с земли. Недоверчиво огляделась, но тут же приникла к прорастающей траве. — А вон, голоса?

— Да это из телефона, — Света убрала наушники в карман.

— Помоги встать тогда.

Женщина оказалась старенькая и лёгонькая, плащ весь в

прошлогодных листьях. Сказала, что зовут Зоя — и никаких отчеств, вот ещё! Руки у неё были ледяные, волосы из-под вязаной шапки выбивались мокрые. Она не помнила, сколько тут пролежала. Может, сутки? Может, пару дней. Решила вот попробовать палки эти, подружкин подарок. Гуляла по стадиону, но там же ни деревца. Весь кислород в асфальт закатали. «Странно, — подумала Света. — Не видела её раньше среди наших».

— Так вы заблудились?

— Да говорю: ждала, когда мужики те уйдут. А то, чего доброго... Вы-то, девки, не бережётесь!

— Может, вас домой отвести? — перебила Света, не дожидаясь, когда Зоя-без-отчества выскажется по поводу её спортивного костюма. Она и сама знала, что слишком обтягивающий, и полски эти оранжевые — но в благотворительном секонде ничего получше не нашлось.

Зоя невесело поглядела на неё снизу вверх, отвернувшись.

— Вот ещё, нужда была, — подняла с земли палки.

Гордая какая бабуля! Или Света что-то не так сказала? Разучилась говорить за полгода совсем...

— Да иди ты ради Бога по своим делам! — сказала вдруг Зоя ласковым голосом, хоть и оставалась сердитой с виду. — Жених уже соскучился.

— Как бы он соскучился, когда его нет? — улыбнулась Света.

— Ну, мамка, поди, ждёт, пока ты тут набегаешься.

— У мамки свои дела. Ладно, воля ваша. Всего доброго, — Света развернулась, собираясь идти обратно.

Но тут Зоя сняла вязаную шапочку, вытерла вспотевшее лицо.

— Да меня и отводить некуда! Только время зря тратить. Ночую вот у подружек, а так... Родные внуки прогнали! — она не договорила: губы задрожали, из глаз покатались серые капли. Света охнула, похлопала себя по карманам — нет платка, — подбежала, стала обирать с бабушки траву и листья, которых полно ещё оставалось на рукавах. Хотела обнять, но малознакомых ведь не принято, даже одиноких, пожилых...

Света дождалась, когда Зоя успокоится, и сказала опять:

— Пойдёмте ко мне! Хоть погреетесь.

— Да вот ещё... Своих проблем, поди, навалом.

— Хоть погреетесь, — повторила Света, вытирая глаза краем капюшона.

Зоя ещё немного поотнекивалась для приличия, но уступила. Света взяла её палки и пошла впереди. Сначала Зоя причитала, что никто ещё к ней не был таким добрым. Потом замолкла, покашливая лишь иногда. Света шла впереди и думала, что впервые с детства гуляет вот так с бабушкой по лесу. А лес — светлый, живой, вольный.

После работы мама Лида не успела зайти домой, как на самом пороге споткнулась об чужие ботинки. Без каблука. Демисезонные. Почти как те самые, но с рыжей пряжкой.

— Света! — крикнула Лида, расстёгивая серый плащ. — У нас гости?

В ответ послышались чужие слова: «Всё-всё, засиделась, пойду!» — и Светины уговаривания. Лида вошла на кухню, но прежде пропустила сквозь себя тревожную, тёплую волну похожего, слишком похожего образа — и увидела на противоположном углу стола старушку. Глаза в красноватых прожилках блестели, кисти рук тряс тремор. Выцветший твидовый пиджак в мелкую клетку. У Лиды что-то щёлкнуло в солнечном сплетении. «Душно у вас», — сказала она и пошла открывать окно.

— У неё дома нет, внуки выгнали! — выдохнула Света.

— Всё в порядке, всё в порядке, — успокаивала бабуля. — У подруги поживу. Ждёт, поди, сердится, телефон-то у меня сел.

— С внуками — это надо к юристу, — парировала Лида. — Мы не юристы, ничем помочь не сможем.

— У тебя же на работе... — начала было Света, но её неумелый бунт тут же был подавлен взглядом матери.

Видя, что воздух вокруг Лиды заискрил, Зоя встала и пошла обуваться. Но вдруг задела ногой об жёлтый пакет, торчавший

откуда-то сбоку, и растянулась вдоль плинтуса всем своим невеликим ростом.

Из пакета покатались рыжие бутылки, зазвенели на всю кухню. Света завопила так, будто под ноготь ей впился осколок. Когда-то вот так же пошла с кухни и упала их родная бабушка, а они в это время смотрели что-то про скандалы звёзд. Но теперь всё случилось прямо на глазах. Человек был чужой, а вина — полностью их, опять, снова.

Тогда Света вспомнила все ругательные слова, какие знала, и метнула их в мать со всей силы. Лида отбила удар, ругнулась покрепче. Так бы они стояли и кричали друг на друга до посинения, но тут внизу застонала Зоя. Женщины кинулись её поднимать, оттащили на диван, осмотрели, как смогли. Света суетилась, не зная, чем ещё помочь; Лида тихо разговаривала с пострадавшей, просила то улыбнуться, то потрогать кончик носа. Зоя отдышалась, успокоилась, пересказала свои утренние приключения: как гуляла с палками, как Света спасла её от лесных маньяков. Припомнив всё это, она заявила, что устала «как лошадь загнанная», сняла пиджак и попросилась спать. От вызова скорой отказалась наотрез.

Лида и Света бросились устраивать её в большой комнате. «Точно семьи нет? Ни дочери, ни внучки?» — спрашивала Лида, надевая ромашковый пододеяльник на верблюжьего

пуха одеяло. «Человек целый день в лесу пролежал, никто и не опомнился!» — хмурилась Света, взбивая треугольные подушки. «Если за ней придут? А вдруг найдутся?» — не успокаивалась Лида, подворачивая вдвое, втрое полосатую простыню, чтобы уместилось вдоль гостевой тахты. «Не младенец же, — сердилась Света. — Найдутся — отведут домой. Если она ещё согласится. А пусть погорюют немного! Это надо — родную бабушку в лесу оставить!» Лида в кои-то веки испытывала согласие с дочерью; вина из-за этих дурацких бутылок унылым хвостом всё ещё волочилась за ней.

Лида и Света вышли сказать, что всё готово, но Зои на диване не обнаружили. Стали искать её по всей квартире и нашли спящей на пустой бабушкиной кровати. Лида захотела разбудить и высказать за то, что Зоя уснула прямо в уличных штанах, но Света сказала: «Оставь».

Утром Зоя выглядела куда крепче, чем вчера. Попросила омлет на молоке и чай травяной. Лида всё сделала. Телефон у Зои никак не хотел заряжаться; на потёртом экране рябили пустые точки. Но с этим разбираться Лиде было уже некогда; она прихватила пару жёлтых пакетов с пахучим пластиком, побежала на мусорку, а потом на электричку. Через полчаса, сидя на прохладной скамье между двух корпулентных дам в одинаковых футболках с надписью «Louis

Vuitton», она думала, что, когда вернётся с работы, ничего этого уже не будет — ни заплутавшей Зои, ни Светиново воодушевления. Его-то никогда не хватало надолго.

Света в тот день, наоборот, никуда не поехала. Попыталась зарядить Зоин телефон: вынимала аккумулятор и вставляла обратно, втыкала провод по очереди в разные розетки. Телефон не реагировал, так и остался потом где-то на подоконнике. Потом Света решила найти что-нибудь про Зою в интернете — вдруг окажется, что всё-таки ищут какие-никакие родственники. Наверняка это будут неискренние объявления, чисто формальные, но хоть так. Сегодня Света отчего-то вдруг засомневалась, что Зоины внуки такие бессовестные. Ей стало неловко за своё вчерашнее «пусть погорюют немного». Она включила Зое первый попавшийся сериал и ушла в новостную ленту. Там предлагались выгодные займы под процент, работа вахтой и быстрое банкротство физлиц. Бабушек никто не искал.

Минут через пять Света услышала, как Зоя бормочет, отвернувшись от телевизора:

— Фигус один, доходяга... Совсем не умеют, что ли, за растениями ухаживать...

— Да некогда нам, — повинилась Света.

— Цветы — это воздух! А воздух — жизнь, — изрекла Зоя. — Тащи грунт, фикус пикировать

будем. Есть у вас хоть какая земля?

Где-то на балконе была старая земля, но её надо было ещё раскопать под залежами. Тогда Света сходила в магазин, купила новой земли и разных цветочных семян. Они с Зоей до самого вечера рассаживали рассаду по всем пустым горшкам, что были в доме. Когда глиняные ёмкости закончились, Зоя велела Свете найти что-нибудь подходящее. Света взяла с десяток пустых контейнеров из-под еды, что покрепче, разрежала на неровные кромчатые половины, наполнила грунтом. Зоя проследила, чтобы Света втыкала семена не близко, не глубоко, а как надо. Света слушала кислотоватый запах почвы, и ей становилось тепло.

Когда Лида пришла домой, по всем подоконникам была расставлена тёмно-серая земляная масса — будущая зелень, цветы-однолетки. Всё это следовало поливать, освещать, прореживать и беречь от жучка. Лида трудно, прерывисто вздохнула: ни сегодня, ни на неделе у неё нет сил поддерживать новоявленный огород. Но она могла дать Свете и Зое денег на это. Когда она так подумала, то словно почувствовала приток воздуха к уставшим лёгким.

Прошло полторы недели. Быт их потихоньку приунылся. Всё стало обустроено так, чтобы Зое стало комфортно. Цепь необходимой заботы восстановилась,

хоть и казалась ещё некрепкой, декоративной. Лида уходила утром, приходила вечером — как всегда, но уже будто по-другому. Света бегала в магазин за продуктами. Зоя следила, чтобы зелень прорастала поскорее. Иногда гуляла вокруг дома со скандинавскими палками. Света больше никакого внимания не обращала на чужих бабушек. Выбирала лучший лук, крепкую морковь, хлеб посвежее. Зоя следила, как саженцы прорывают почву, как из прозрачно-жёлтых становятся сочно-зелёными. Лида не покупала больше пива, даже безалкогольного, — сразу шла домой и все деньги отдавала Свете. По-хорошему, часть из этого полагалось откладывать на институт, но Светина учёба перекатилась не то что на второй — на тридцать третий план. У неё были дела поважнее: покупать в продуктовом яйца и молоко, чтобы по утрам кормить Зою омлетом по маминому рецепту. Отправлять Зою гулять вокруг дома со скандинавскими палками, чтобы у неё потом были силы следить, как выбрасывают третий лист упругие саженцы. Больше не заказывали доставку еды — готовить для Светы стало безопасно. Мама Лида больше не спорила с вечерними телешоу-ведущими. Она ложилась спать пораньше, потому что коллеги, заметив перемену в её настроениях, осмелели и стали чаще, чем нужно, просить «подмочь». Она помогала: ей как никогда были

нужны доплаты — радовать Свету и Зою, которые по очереди то включали, то выключали тепличные лампы цветочного освещения. Розетки искрились, источали пластмассовую вонь; ночная квартира светилась волшебным сине-сиреневым светом, как океан на закате.

Зоя, впрочем, своих новых младших разговорами не баловала. Часто была неласкова со Светой, а с мамой Лидой и вовсе колючая. Имя бабушки при Зое не упоминалось. Свете поначалу от этого делалось горько: она словно каждый раз отрекалась от своей памяти, лишь бы Зоя не подумала, что она тут «взамен». Но Зоя, конечно, догадывалась. Просто не говорила — жила в своё удовольствие. Даже так: приноровилась жить, границы этого удовольствия постоянно расширяя. Могла и прикрикнуть на Свету, и омлет её недосоленный на сковородку обратно вылить. Маме Лиде тот случай с падением припоминала чуть ли не каждый день. Если бы кто их навестил, они бы изумились долготерпению этих женщин.

Пока Лида и Света суетились, возвращая себе ощущения прежних лет, Зоя обживала новое пространство. Прodelьывала она это, когда дома никого не было, — так спокойнее. Больше всего ей приглянулся шкаф в Светиной комнате. Такая махина! Столько ящичков! В таком и жить можно. Никого не спросив, как-то утром,

пока Света была в магазине, Зоя вынула из шкафа пару коробок, в которых лежали тихие бабушкины вещи. Те, на которые даже у Лиды не поднялась рука отдать. Открыла, вытряхнула на пол: зеркальца, гребни, бусы и кольца так и прыгнули об пол. Осмотрев как следует содержимое коробки, Зоя не нашла в них ничего пригодного для своего цветоводческого хобби. Будь её воля, продала бы вообще эту бесполезную квартиру, купила бы дачу — цветы сажать. А этих двух выселила бы, худосочных. Что мать, что дочь. Только и ходят, шипят друг на друга да за ней следят.

Зоя продолжила исследовать шкаф. Пакет чёрный с плотными фотокарточками. Такими хорошо заслонять рассаду от прямых солнечных лучей.

Рюкзак старый, огромный какой. Столько места в шкафу — а поставили рюкзаков. Зоя его отодвинула, пошарила рукой и вдруг наткнулась на что-то мягкое, шерстяное. Достала — женский пиджак, чинёный-перечинённый. Фасон один в один как у неё. Хмыкнула, покрутила в руках; прикинула, куда бы употребить, — раз валяется, значит, ничейный. Можно и на подвязки для рассады порезать. Не то, чего доброго, подсунут взамен её собственного (считай, новёхонького), заставят носить — а новёхонький-то продадут.

Света вернулась из продуктового с огромным пакетом съестного. Сегодня она хотела приготовить лазанью — совершенно незнакомое, но многообещающее блюдо. Недавно ей на глаза попался онлайн-марафон, где участникам предлагалось каждый день в течение двух недель готовить что-то новое. «Развиваем вкус к жизни через вкусовые ощущения», — был их девиз.

Растащив содержимое пакета по полкам, она поняла, что забыла сливочное масло. Придётся сбежать ещё раз. Но сначала Света решила зайти в комнату, переодеть футболку: уличная жара залакировала спину плотной плёнкой пота. Забежала, надела свежую, прохладную, а старую бросила привычным движением на стул, но промахнулась. Наклонилась поднять — и заметила под шкафом рыжую россыпь пластмассовых бус.

Света присела на корточках, осторожно сгребла в ладонь пыльные бусины. Ей показалось, есть в этом что-то детское: скучно Зое, вот и лазит везде. Она достала коробку с драгоценностями, переложила туда бусы (будет время — починит). Мельком, по привычке, заглянула в шкаф... Пиджака нет. Беспокойство неприятными мурашками поднялось по предплечьям. Что угодно разрешала она своей гостье, помня о том, что сама привела и теперь отвечает. Но брат

без спроса пиджак всё равно что пить чай из чужой кружки. Только в сто раз хуже! Света помчалась в комнату Зои — просто спросить, мало ли, завалился, вдруг знает.

Зоя сидела спиной к двери, склонившись над столом. Локти у неё так и ходили туда-сюда, и скрежещущий звук то вспарывал воздух, то впивался во что-то плотное, шерстяное.

— Что вы делаете? — спросила Света.

— Делами своими занимаюсь, — ответила Зоя, не поднимая головы. — Ты свои все уже переделала? Иди тогда мне помоги.

Она повернулась на кресле к Свете, протянула руки — а в них широкие, неровные полоски ткани. Матовая, крапчатая — лицевая сторона; серая, глянцевая — подкладка.

Света вскрикнула и затряслась мелкой тряской. Зоя удивлённо смотрела на Свету, на то, как её курносое лицо из бледно-удивлённого превращалось в разъярённо-пунцовое. Света краснела, тряслась и молчала; Зоя пожалала плечами, развернулась обратно к столу и снова взялась за ножницы. Но не успела она ими чикнуть, как Света подлетела, выхватила остатки рукава из-под самых лезвий и заорала:

— Кто тебе разрешал??? Кто? Тебе! Разрешал?!

— Рассаду подвязать надо, — ухмыльнулась Зоя. — Что прикажешь, новую тряпку покупать? Богатая, что ли?

— Это бабушки моей пиджак! — орала Света. — Я себе забрала! Кто разрешал в вещах моих копаться?!

Зоя пожевала губами.

— Да ты его разве носишь? Надо было сказать...

Слов на внятный ответ у Светы не нашлось; она осела на пол и разревелась в голос. Взвыла так громко, как не смогла даже на бабушкиных похоронах. Ошарашенная Зоя продолжала не понимать, что случилось. Кое-как удалось ей добиться ответа, что Светке жалко старого пиджака. Чтобы сбить с неё эту блажь, Зоя решила рассказать ей одну поучительную быличку.

— Муж мой покойный шофёром был. Я его в рейс когда провожала, всегда говорила: смотри там, не завези чего в нашу койку-то. А он там и не смотрел. Он тут смотрел, кобель. У них диспетчерша была... Всегда в пиджаке ходила. Приталенный такой, в клеточку. Вся из себя такая строгая баба, с принципом. Только принцип у ней был — с незнакомыми мужиками не спать, только кто знакомый. Я как узнала, вещи собрала — говорю, живи теперь с этой. Месяца не прошло — все пороги мне оббил! Простила, как не простить: своё — оно не пахнет. Но с тех пор баб в интеллигентских пиджаках терпеть не могу... Твоя бабка-то не диспетчершей работала?

Света не слышала: рыдала, глубоко оскорблённая за бабушку.

Зоя занервничала: «Да успокойсь ты уже?» — но Света не слушалась. Тогда Зоя сгрела обрезки пиджака и потащила в мусорное ведро.

Клацнул дверной замок. Лида вернулась пораньше, тоже в обнимку с пёстрым пакетом; было там и масло, Свете уже не нужно.

— Чего тут у вас? — сразу спросила Лида, пытаясь рассмотреть, что у Зои в руках.

— Да пиджак старый распорол, а эта, — Зоя кивнула в сторону комнаты, — истерит.

— Какой пиджак?

— Да старый! Вроде как матери твоей. Она не диспетчершей работала?

Лида аккуратно поставила пакет на пол, вытянула из Зоиных рук полоску ткани, стала разглядывать. А потом как выхватила всё, как бросила в ведро — и руки отряхнула, звонко хлопая ладонью об ладонь.

— Света! — закричала Лида, забегая в комнату. — Мы с тобой как договорились? Ты зачем его забрала?

Света злобно зыркнула глазами.

— Потому что мой любимый пиджак! Был! Тебе-то что? И так всё повывбрасывала!

— Сто раз тебе рассказывала! Она в нём была, когда меня у тети Вали оставила!

— Это было сто лет назад! Она в нём была, когда мы к фотографу ходили! Когда ты не хотела, некогда тебе было. А она меня на

коленки посадила и успокаивала. Ты и фотки те выкинуть хотела!

Зоя попятилась к окну и быстренько отлепила от стекла несколько плотных, бесполезных для неё бумажек. Лицо чужой бабушки в преклонном, взрослом, юном возрасте. Бабушкины подруги, коллеги и сёстры. Лида и Света десятилетней давности, в заросшем парке, в обнимку.

— Ты что хочешь, то и помнишь! — кричала Лида. — Избирательная память у тебя! Прямо как у неё! Кому какое дело — ну пожила дочь у тётки годок-другой, пока мать личную жизнь устраивала. Подумаешь, кукушонок!

— Это ты так запомнила! Не так всё было! Она же болела, лечилась; потом мужчину встретила, но отказала — чтобы тебя у тети Вали забрать!

— Это она тебе так сказала, чтобы доброй бабушкой казаться!

Зоя слушала их перепалку, помалкивая. Незаметно сложив фотографии в стопку, она пристроила их между горшками с каланхоэ. Что-то попало под руку — её телефон, старый, потёртый, нагретый на солнце. Он жужжал и подрагивал.

Зоя отбросила телефон дальше, словно ядовитое насекомое. Корпус брякнул об ламинат между Светой и Лидой, которые продолжали кричать, доказывая каждая свою неутраченную правоту. От резкого звука обе замолчали.

— Звонят, — сказала Света, прислушавшись.

— Кому? — спросила Лида.

— Не поднимайте! — зашептала Зоя, подошла и пнула телефон под шкаф.

— Почему? Мы ж его починить хотели.

Лида сняла туфлю и выцепила жужжащую трубку из-под шкафа. Зоя зажмурилась, запричитала тонким голосом: «Не надо, не надо, не надо!»

Света выхватила у матери телефон и нажала на кнопку «принять вызов».

— Алло! Кто? Зоя Павловна? Да, знаем! Цела, невредима. Телефон был сломан. Как не вешали? Мы все дворы обклеили! Наверно, оборвали. Да, приезжайте, мы всегда дома.

Света назвала адрес. Нажала «отбой» и отдала телефон обомлевшей Зое.

— Внуки? — переспросила Лида. — Те самые? Ну надо же!

— Те или не те, не знаю, — отрезала Света. — Спрашивали Зою Павловну. Которая любит весело пожить и каждую весну сбегает из дома. Завтра приедут.

Света развернулась и ушла в свою комнату. Не посмотрела ни на Зою, в свой черёд заплакавшую, ни на Лиду, которая безуспешно искала в аптечке корвалол. Свете было погано как никогда. Значит, мать не простит бабушку, не забудет того случая. Не поверит ей, не примирится. Увезут Зою — снова

начнёт смотреть дурацкие передачи, пить и смотреть. Но Зою нельзя не увезти, и так уже загостилась. Света скрипела зубами от бессилия. Да, бабушка, да: грех — это ждать, что всё будет, как раньше. С такими мыслями Света уснула.

Обычно снов она не видела или не помнила, но тут словно провалилась в какую-то полужнакомую реальность. Она идёт по квартире, а вокруг разрастается лес. Повсюду, куда ни повернись, тянутся ветки-корни. Стало так темно, будто раньше срока наступил ноябрь. Но деревьям уютно в сумраке. Оконные стёкла — крылья гигантской моли, покрытые серо-бежевыми чешуйками. Одна чешуйка — одна плотная, замусоленная клеём фотография, прилепленная к стеклу. Между крепким, лоснящимся подлеском проявляются тропинки: из коридора в туалет, из ванны в спальню. Всё, что свисает и обвивается, преграждая путь, у самых корней аккуратно подвязано коричневыми тесёмками. Мама собирает пустые пластиковые бутылки с пола.

— Зоя! — кричит Света и прячется за дерево; кажется, из чащи на её крик отзовется волчица.

— В лесу, говоришь, нашла? — спрашивает мама. Встаёт и идёт в подъезд, волоча за собой бесконечный мешок, а Света за ней. Но не успевают они дойти и

до первого этажа, как вдоль перил свешивается лиана, хватается маму за руку и тащит обратно. Света в крик, мама в крик, но соседи не открывают. А Зоя из лесной квартиры рычит:

— Кормить кто будет? Кто будет кормить?

Лида шепчет:

— Беги... Где нашла, туда беги...

Маму Лиду в квартиру обратно затягивает, дверь за ней закрывается. Медлить нельзя. Но что там, в лесу? Никто ведь Зою так и не хватил. Кому она нужна? Какого лешего там искать? Его и нет, поди: лес — мусорный, с одной стороны — стройка, с другой — свалка.

Света возвращается на полянку — на ту ли? Уверенности нет никакой. Сожрёт лесная бабка маму Лиду. Как сразу не догадалась: это она её подальше отослала, чтоб спасти. Тихо, темно. Как в комнате, внезапно пустой. Как в жизни, где раз-два, раз-два — и обчёлся.

— Тише ты, — говорит волчица. — Чего сырость разводишь?

Света обернулась — а над ней две женщины-великанши. Одна под три метра ростом, другая и того выше. В обхвате — как столетние тополи, но возраст по лицу не заметен. Да и лиц нет — маски из берёсты.

— Так вот ты, кто нашу дочку забрала, — говорит другой голос. Говорит — не говорит: сосна смоляной веткой машет.

— Куда отвела? Говори!

Свете дурно, и оправдаться нечем.

— Я думала, бабушкой мне будет... — шепчет Света. Сверху листья посыпались — засмеялись лешачихи.

— Эту-то, малую, в бабушки? Да она дитя дитём ещё, неразумное! Веди обратно!

— Не могу. Как я её теперь выкорчую? Помогите!

Делать нечего: лешачихи идут за Светой. Дома темно, как в ельнике. Мебель, книги, посуда — сплошной бурелом.

— Зоя! — зовёт Света.

Тихо, тихо. Никого.

— Я тебе принесла! Самое лучшее! — продолжает звать Света. — Выходи, пожалуйста.

Из-под лиственного полога сверкнули два красных глаза.

— Чего это говоришь «уходи, пожалуйста»? Сама привела — теперь выгоняешь? Об ком же ты будешь заботиться? Кому ты вообще нужна, такая беззаботная?

— А вот кому, — говорит Света.

Тут из-за её спины выходят лешачихи; Зоя завизжала, запричитала, отползла в угол. Но первая великанша хватается её за ноги, а вторая за плечи; обступили, рычат.

— Ладно, ладно, — хнычет Зоя. — Хоть палки мне для ходьбы оставьте.

Они ушли, и зелень тут же начинает чахнуть, вянуть, отваливаться. Света принимается сгребать это всё в кучу. Сгребает, выстригает, выметает паучи

гнезда, отклеивает фотографии с окон. Отовсюду смотрит бабушка выгоревшим на солнце, незнакомым лицом. В кухне, за телевизором, Света находит маму Лиду. Она сидит на табуретке, в руках пакет с быстрорастворимой гречкой. Взгляд у мамы как у человека, неделю плутовавшего по тайге.

Не успела Света умыться, когда по дворовой щёбёнке прохрустели незнакомые колёса. Она подошла к окну и увидела, как паркуется светло-серая иномарка. Из неё вышли женщина и мужчина лет двадцати, очень похожие друг на друга (только у него волосы чёрные, а у неё мелированные). Какое-то время они провели в их квартире, но попрощаться Света не вышла. Мама, казалось, в кои-то веки поняла и не стала даже к ней стучаться. Но Света смотрела сквозь штору, как они вышли во двор вместе с Зоей; мужчина нёс в одной руке её скандинавские палки. Света отметила про себя, какая мощная у него лапища. Ей хотелось, чтобы кто-то приобнял её сейчас за плечо, как обнимали в детстве мужские родственники.

Когда машина уехала, Света вышла на кухню. Мама Лида составляла цветочные горшки в большую икеевскую сумку.

— На выброс? — спросила Света, стараясь делать вид, будто сон не сбывся и ей всё равно.

— Да зачем. Зоя просила потом привезти, если нам не нужно. Поедешь со мной в пятницу?

Света сказала, что ей нужно подумать. Неспешно приготовила себе бутерброд; когда выбрасывала пакет от хлеба, заметила, что разрезанного пиджака в ведре уже нет.

— Думаешь, они её не выгоняли? Она правда сбежала сама? — спросила она у Лиды после завтрака. Мама собрала столько горшков, сколько могла отнести за раз; некоторые из растений уже расцвели — жаль, Света не запомнила названий.

— Ещё неизвестно, какими мы будем в её возрасте, — мама развела руками. — Что, жалеешь?

— Она на меня сердится? Что-нибудь сказала?

— Да: что мы её занянчили. Устала от внимания. Но если снова убежит — только к нам.

В конце рабочей недели мама вызвали такси, и они отвезли икеевские сумки туда, где жили Зоя и та девушка с мелированными волосами. Гостей посадили пить чай. Внучка оказалась очень разговорчивой, всё выпрашивала у Лиды подробности бабушкиных приключений и благодарила за то, какие они внимательные и добрые люди. Света хотела извиниться перед Зоей, но всё как-то не было подходящего момента. Но Зоя तो ли делала вид, то ли правда забыла, что с ней произошло. Света сидела напротив окна и считала старые телефоны, лежавшие на подоконнике. Были тут и «умные браслеты», и какие-то устройства с «тревожными кнопками», даже что-то наподобие рации.

— Бабушка это всё не любит, — сказала внучка, проследив за Светиным взглядом. — Столько раз ей давали — ни в какую. Телефон и тот через раз берёт. Не знаю уже, что делать. Вы с ней поостроже в следующий раз.

— Попробуем уговорить, — улыбнулась мама. — Мы своих в лесу не бросаем.

Женщины вернулись домой под вечер. Там было тихо, темно и пахло, кажется, сосновой смолой. Свете одновременно и хотелось договорить с мамой тот нервный разговор про бабушку, и не хотелось к этому возвращаться.

Мама ушла к себе в комнату и не выходила оттуда больше часа. Света тревожно прислушивалась: не звякнет ли бокал, не щёлкнет ли телевизор... Но вот, наконец, Лида вышла; в руках у неё был небольшой белый пакет.

— Как думаешь, — сказала она, передавая его Свете, — из этого можно сшить диванную подушку? Или что-то подобное.

Света заглянула внутрь пакета: лицевая сторона — коричневая, матовая; подкладка — серая, гляцевая. Вопросительно посмотрела на маму. Та лишь развела руками:

— Мне шить некогда. Ты у нас всё в интернете знаешь, может, выкройку найдёшь. Эта техника пэчворк называется.

Света ответила, что помнит рукодельные подушки у бабушкиной сестры, которая из Оренбурга. Мама вспомнила, что у соседей, живших с ними в старом доме на первом этаже, были точно такие же. И у тех, которые переехали, а собаку свою забыли. Пришлось потом бабушке ехать на электричке, собаку эту отдавать. Как она лаяла! На весь вагон. Но пассажиры не возмущались. Потому что бабушка всегда такая спокойная была. Всем вокруг это чувство от неё передавалось.

— Хорошо, — сказала Света, — найду выкройку.